

УДК 930

Боярский В.И.

К вопросу о предмете истории, или Пришло ли в России время историка?

Боярский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук и Международной академии информатизации, вице-президент Отделения погранологии МАИ.

E-mail: boovich@inbox.ru

Сегодня, в переломную эпоху, нельзя обойтись без уроков прошлого, без истории как коллективной памяти народа. Мыслить сегодня по-новому – значит мыслить масштабами истории, поднять на новую ступень масштабы историзма. В этих условиях неизмеримо возрастает роль теории. В статье обсуждаются проблемы произошедших в последнее время изменений в исторических взглядах, необходимости перестройки исторической науки, преподавания истории в средней и высшей школе, гражданской ответственности историка и научно-исторической общественности.

Ключевые слова: историческая наука, социальная история, историософия, хронотоп, мифы истории, преподавание истории в высшей школе.

Истинный защитник России – это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу.

Ф.И. Тютчев

Некоторые историки неточны больше, некоторые меньше; но лучше всего всегда знать об опасности грубых ошибок, от совершения которых никакая предосторожность и никакая осторожность не могут спасти. ...Ощущая ловушки, которые окружают его, автор истории может только ждать в тихой надежде, что никто не будет читать его – по крайней мере, со слишком большим вниманием.

И.Ю. Николаева

Признание истории как науки состоялось почти сто лет назад. И с этим сегодня никто явно не спорит. История наука широкоформатная. «В определенном смысле современная историческая наука является своеобразным экспериментальным полигоном, на котором обрабатываются различные способы реконструкции прошлого с помощью методов и данных все расширяющегося круга смежных дисциплин»¹.

Не случайно историческая наука успешно применяет в своих исследованиях методы общественных и естественных наук, математику. Получает методологический статус теория истории. В центре внимания истории – поиск не только тенденций, но и закономерностей социального развития, поиск истины. Неизбывно стремление с помощью истории как науки не только реконструировать прошлое и прояснить картину реальной действительности, но и прозреть будущее.

С другой стороны, налицо тотальная зависимость истории от личности историка и политики. Сегодня профессиональные историки не в состоянии конкурировать с публицистами и политиками в борьбе за массовое сознание, стремлении переломить мифологизированное восприятие истории в обществе. Политизированные телешоу, подобные «Суду времени» – в неявном виде все та же борьба западников и славянофилов, сегодня либералов и национал-патриотов, – никакого отношения к истории не имеет, хотя в них и принимают участие серьезные историки.

У нас в России история – традиционно прерогатива государства в лице персон либо ведомств, но не исторического сообщества. К примеру, тот, кто занимался историей Великой Отечественной войны, помнит официальные издания – шеститомный, так называемый «хрущевский», труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» (1961–1965 гг.), «брежневский» «История Второй мировой войны 1939–1945» в двенадцати томах (1972–1982 гг.), так и не увидевший свет «горбачевский» десяти томник истории Великой Отечественной войны. Почему они сегодня не востребованы? Они идеологизированы и субъективны. Там нет правды (истины) о войне. Не так давно на высшем уровне принято решение о написании новых двенадцати томов истории этой войны. Это тоже со-

¹ Методология истории в перспективе историографической революции // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 14–16.

циальный заказ, исполнение которого возложено на историков ведомств. Удастся ли преодолеть прежние ошибки?!..

Единой концепции, в которой было бы обозначено место истории как науки в системе познания, в образовательном процессе, по сей день нет. Часы, отводимые на преподавание истории в школе и вузе, сокращаются в три-четыре раза. Правомерно поставить вопрос: а пришло ли в России время историка? И есть ли у нас вообще историческая общественность? В этой связи хотелось бы обратиться к статусу истории как науки. Сегодня она перестает быть только наукой о прошлом. Меняется сам предмет истории. Не разобравшись с предметом истории, трудно понять, как ее преподносить в качестве учебной дисциплины в школе и вузе. Можно, конечно же, вслед за Л.П. Карсавиным повторить, что «предмет истории может быть ближайшим образом определен как социально-психическое развитие всеединого человечества»¹, но к такому вселенскому восприятию истории в обозримом будущем национальные историки, занятые сегодня исключительно проблемами выживания своих социумов, явно не готовы. Оставим это поле для философов и психологов. Гораздо важнее для практиков посмотреть на эту проблему посредством связи исторических и литературных текстов, связь литературы и культуры с историографией.

Примечательный момент. По воспоминаниям генерала армии И.В. Тюленева², в ходе одной из встреч со И.В. Сталиным речь зашла о том, как надо писать о завершившейся войне. Кто-то высказал мысль о том, что писать надо так, как Лев Николаевич Толстой в своем романе «Война и мир» о событиях 1805–1812 годов.... Присутствующие, понятно, не историки, призадумались, скорее всего, о том, кто же тот гений, который справился бы с этой задачей подобно Толстому...

Сталин прагматично перевел разговор в другое русло: сейчас, мол, еще рано. Писать историю минувшей войны надо лет через пятьдесят Вот эта мысль была понятна. Противоречивые взгляды на историю прошедшей войны, на то, как была добыта победа, и тогда и сегодня, спустя шестьдесят пять лет после победы, вполне могут расколоть общество. Почему? Разве можно обижаться на науку? Ответ, на наш взгляд, будет предельно прост. У этой науки, в отличие от других, есть и биологическая, и мировоззренческая, и духовно-нравственная составляющие. Это ее особенность. И если искусственно закамouflировать неразрешенные противоречия в социальной среде, они и через семьдесят лет могут вырваться наружу как лава, из, казалось бы, давно потухшего вулкана.

Кстати, и сегодня, почти двести лет спустя, о романе Толстого, который оказался важнее исторической правды (его еще называют библией русского патриотизма) спорят философы, литературоведы, спорят историки, закрывая глаза на то, что это хоть и исторический, но все же роман, в котором автор имеет право на вымысел.

Известно, что сразу же после выхода в свет «Войны и мира» военный историк М. Богданович советовал Л. Толстому взять на себя труд внимательно проследить «сношения ... императора Александра I и Наполеона» – тогда «он убедился бы, что на такой исход имели первостепенное влияние личные качества обоих государей и ближайших к ним лиц...»³. У Толстого, однако, была своя философия истории, которой он следовал. Вспомним его основную, фатальную мысль, с которой он начинает повествование. Она заключается в том, что историческое событие является следствием совпадения бесконечного множества причин. «Без одной из этих причин ничего не могло быть. Стало быть, причины эти – миллиарды причин – совпали для того, чтобы произвести то, что было... Для того, чтобы воля правителей и полководцев была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств, без одного из которых событие не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей (лидеров), и были приведены к этому бесконечным количеством сложных, разнообразных причин...»⁴.

Сегодняшний исследователь истории – не фаталист – мог бы воскликнуть: да это же концепт синергетики – науки о самоорганизации – один из широко практикуемых последнее время подходов познания, который используется для изучения последствий совместного воздействия независимых причин. И вывод классика будет правомерен. «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей...»⁵. А история – это не только качественное прошлое, но и одновременно и количественное накопление разума.

Вопрос. Тогда какие общечеловеческие цели выражал, например, Наполеон? И «почему Наполеон III, национальный герой Франции, когда его поймали в Булони, до восшествия на престол, был преступник, а потом были преступники те, кто его поймал?»⁶. Почему Берия, арестованный высшим политическим и военным руководством страны, скоропостижно расстрелянный в 1953 г., – преступник, а те, кто его арестовал и судил, – герои. А кто был бы преступником, если бы Берия взял власть после смерти Сталина? На кого переносится воля масс, чтобы он стал ее исполнителем, и почему? От чего зависит ход русской истории? Повторяя заезженную фразу о том, что у истории нет сослагательного наклонения, мы научились прописывать альтернативные ходы в прошлом. От них мало проку. Гораздо ценнее было бы, если бы альтернативные ходы развития социума были прописаны в будущем. Существует немало таких прогнозов. Но не подкрепленные историей, они мало что значат.

Шопенгауэр, взглядов которого придерживался Толстой, не признавал за историей право называться наукой, говоря, что науку интересуют виды, а историю индивиды. Он был прав наполовину. Историю интересуют и виды, и индивиды. А вот «истинная философия истории» (по Шопенгауэру) состоит в убеждении, что, несмотря на все бесконечные перемены и путаницу, всегда остаётся одна и та же неизменная сущность. Имя этой биологической сущности – выживание. Есть и другие нравственные сущности: познание, справедливость, ответственность. Без них истории тоже не бывает.

По Толстому, «человек не может «свободно» двигать историю, но может свободно двигаться в истории, отвечая на конкретные события, перед лицом которых он оказывается», «принимая на себя всю ответственность собы-

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 30.

² См.: Тюленев Иван Владимирович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rureferat.ru/persons/t/1243>

³ См.: Лурье Я.С. После Льва Толстого // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 23. С. 37.

⁴ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 8 тт. Т. 3. М.: Изд. АСТ, 2006. С.6–9.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 308–314.

тия»¹. Ответственность, историческое движение и нравственные принципы для Толстого – как бы параллельные линии. Вопрос об исторической необходимости и нравственной ответственности политических деятелей принадлежит к числу важнейших этических проблем истории – он отнюдь не утратил актуальности сейчас. Правда, крупным политическим деятелям пока они живы вопрос об ответственности как-то не интересен. Итак, история и нравственность. Следует ли сопрягать эти сущности. Вопрос можно было бы и не задавать. Они сопрягаются.

Мы говорим, что история – это развитие во времени. Но какое? Понимание неравномерности времени, неоднородности пространства и времени в социуме дает сегодня толчок новым открытиям. Появились такие модификации в определении времени, как «пульсирующее время», «круговое» или «циклическое время», христианское линейное время, символизируемое прямой линией, имеющей начало и конец, линейное время, идущее в направлении улучшения и прогресса, символизируемое прямой линией, идущей вверх, линейное время, идущее в направлении регресса, символизируемое прямой линией, идущей вниз... Не следует ли в связи с этим по-иному взглянуть на предмет истории?

В социуме, как и во всей живой природе, время связано с обязательным рождением и умиранием, т.е. это всегда имеющий начало пик расцвета, созревания и конец, после которого следует с неизбежностью новое начало. Новое в истории рождается всегда на обломках прежнего – старого. Мы осознаем, что есть периоды, следующие один за другим со своими собственными спадами и подъемами. У исследователя-историка появляется искушение измерить временные отрезки, выявить на каком из них мы находимся сегодня и попытаться в этих временных отрезках вести себя соответствующим образом. Весь вопрос в том, как измерить. В науке широко известны приемы, когда качественные категории для этого переводятся в количественные. Тогда что собой представляют такие условные общие концепты как «прошлое», «настоящее» и «будущее»? Не пришло ли время ученым-историкам – именно ученым – по-иному взглянуть на них хотя бы с позиций методологии.

В начале прошлого века поэт Велемир Хлебников ввел в обиход термин «хронотоп». Позже этот термин применил русский философ и мыслитель Михаил Михайлович Бахтин при анализе литературных текстов. Хронотоп – не просто пространство и время, а единство пространства и времени. Каждый человек в этом единстве – главная местовременная точка. Кто-то опережает свое время, кто-то отстает от него. Но этим понятие хронотоп не исчерпывается. Главное в хронотопе – мировосприятие. Это осознание того, что будущее и прошлое во времени присутствуют всегда здесь и сейчас, в настоящем. Это, может быть, одна из самых больших загадок, подлежащих осмыслению, – собиравание прошлого и будущего в настоящем. Между тем, представление о единстве пространства и времени, рассмотренное в теории относительности А. Эйнштейна, получает на основе квантовых моделей человеческой психологии, выстраиваемых, в частности, И.В. Данилевским, возможность представить новую трактовку социальных явлений.

Здесь, на наш взгляд, ключ к пониманию истории. Это дает понимание того, что бессмысленно отгораживаться от прошлого и чернить его. Оно присутствует в нас. Надо понимать и так, что в нашем настоящем заложено наше будущее. И за это будущее мы несем ответственность перед последующими поколениями.

Что же тогда такое сегодняшние школьные и вузовские учебники истории? По большому счету – это смесь: собственно истории, социальной истории и историософии.

Под собственно историей следовало бы понимать конструирование (моделирование) прошлого, понимание, собранное историками из осколков прошлого, понимание тех, кто тогда жил, но не наше с вами понимание. Как перевести понимание предшественников в наше понимание? Эту задачу успешно решает, например, Леонид Васильевич Милов в труде «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». Его труд демонстрирует научную эффективность синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. Автор привлекает достижения таких наук, как география, почвоведение, климатология, гидрология и др. Но что особенно важно, в основе его исследования главный ключевой вектор – социум как саморазвивающаяся, самоорганизующаяся система.

Что же тогда историософия? Это картина истории, призванная спрогнозировать процесс выживания нации, государства в жесткой конкуренции себе подобных наций и государств. Скажем, глобализация. Ее польза и вред для России. Процессы глобализации, общие законы развития тянут Россию по европейскому пути. Но этот путь, если он обретает характер искусственного форсирования, не раз оборачивался для России бедой, предупреждает историк Милов. Мы же бросаемся в этот поток с закрытыми глазами, не думая о последствиях. Может ли здесь помочь история? Может быть, историку следует всего лишь правильно формулировать проблему, ставить вопрос. Правильно поставленный вопрос – правильный ответ. Что там было такого особенного в истории, что привело нас к такому нынешнему состоянию. И к чему нас приведет нынешнее настоящее через тридцать либо пятьдесят лет, если мы ничего не будем предпринимать и продолжать плыть по течению или предпримем нечто. Важно не только описать и этим ограничиться, но и объяснить альтернативы развития социума, альтернативы не в прошлом (мы это уже умеем делать), а в будущем. Хотелось бы подчеркнуть: не только описать, но и объяснить.

Говоря о философии истории, можно было бы вспомнить о заочном оппоненте Бахтина. Это философ и историк Густав Густавович Шпет. Его тезис: «История может не быть наукой законоустанавливающей, и, тем не менее, она есть наука объяснительная, т.е. наука логической задачей которой является установление объяснительных теорий»². История как проблема логики. Сегодня философские и теоретические идеи Шпета могут стать своеобразным источником для концептуальных поисков, точками столкновения различных позиций в дискуссиях, открывающих новые возможности решения проблем истории и преподавания истории.

Рассматривая логику как метод познания, Шпет делает попытку разграничить области различных дисциплин, связанных с проблемой истории. У него выделяются: философия истории, методика истории («историка») и логика истории. Философия истории имеет своим предметом исторический процесс. Методика истории – совокуп-

¹ Там же. С. 257–260.

² Шпет Г.Г. История как проблема логики. Ч. 1. М., 1915. С. 25.

ность правил научной разработки истории. Логика и «историка» отличаются от философии истории тем, что имеют своим предметом историю как науку, а философия истории имеет своим предметом эмпирическую действительность. Можно было бы прислушаться к этому историку и философу.

Что из этого следует с неизбежностью, что прежде чем в школьном учебнике истории смешивать эти три дисциплины: собственно историю, социальную историю и историософию следует сначала размежеваться, как рекомендовал в свое время классик марксизма. Было бы правильно, чтобы собственно историки занимались тем, чем они занимаются, а именно исследованиями. На основе созданной ими исследовательской базы социальные историки и те, кто занимается историософией, способны выявить закономерности, по которым развивается и живет социум. Ведь закономерности носят не рекомендательный, а предупредительный, характер. Только тогда и придет понимание того, что вузовские учебники истории должны быть построены на основе диалектики исторического и логического, где история мысли о явлении тесно сопрягается с историей процесса, хотя и не совпадает во времени. А школьные учебники истории – это продукт теснейшего союза историков, психологов и педагогов, созданный для грамотного восприятия детьми, будущими гражданами, богатства национальной культуры и идей патриотизма. Так должно быть, по крайней мере.

Большое видится на расстоянии, и здесь следует согласиться с тем, что историю постоянно нужно переписывать, она вечно находится в стадии становления и преодоления самой себя¹. Это суждение Ф. Броделя применимо не только к описанию самого исторического процесса, но и к осмыслению его науковедческого аспекта. Переписывать историю следует не произвольно, не в угоду политикам, а лишь при смене старой теории истории новой теорией истории. При этом, безусловно, нужна осмысленная внятная политика, направленная на сохранение нации, общества, государства, на строительство общества всеобщего благоденствия. И тогда не все посеянное ранее будет одинаково прорасти. Негативное прорасти само. Позитивное же будет прорасти успешнее лишь при нашем активном участии, обеспечивая баланс между порядком и хаосом.

Нельзя не сказать о мифах. История полна мифов. Мифы творит народ на подсознательном уровне в интересах собственного выживания. Но мифы творят и историки, обслуживающие политиков. Это не значит, что от мифов следует отгородиться. Где позиции власти и народа совпадают, а где нет? Надо определить законное место исторического мифа в воспитании подрастающего поколения, в формировании оптимистического самосознания общества.

Историческое и логическое в истории соседствует, но не совпадает. Осознание процесса приходит значительно позже его завершения. В общественных науках, к которым принадлежит история, исследование ведется не от причины к следствию, а, наоборот, от следствия к причине. Диалектика – наука древняя. А мы как-то умудряемся обходиться без нее в написании собственной истории. Это имеет отношение к концептуальным подходам в трактовке истории России, а соответственно и к концепции ее преподавания в высшей школе. В ней должна, на наш взгляд, идти речь об истории в первую очередь, не как о науке о прошлом с воспитательным акцентом, а как одной из активных форм познания действительности, дающей общее представление о закономерностях общественного процесса, способствующих сохранению и выживанию социума как саморазвивающейся, самоорганизующейся системы. Между тем учебников, написанных с позиции историософии и синергетики, у нас нет.

И еще о чисто практической стороне дела. Позволю себе высказать субъективные соображения. Серьезные на научной основе вузовские учебники истории под силу только коллективу авторов-единомышленников. Но это не должно закрывать дорогу дерзнувшим на это авторам-единоличникам. И еще. Было бы явной ошибкой ратовать за единый для всех вузовский учебник. Каждый вуз должен иметь право на свой учебник истории в рамках своего профиля, своего оригинального подхода (к истине можно прийти многими разными путями), но желательно в рамках единой парадигмы, признанной на данный момент профессиональным историческим сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по истор. поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2.
3. Бродель Ф. Свидетельство историка // Французский ежегодник, 1982. М. 1984.
4. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантоподобная социальная реальность. М.: КомКнига, 2005.
5. Кареев Н.И. Историческая философия в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб., 1888.
6. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
7. Кукарцева М.И. Философия истории: проблема определения // Философский альманах. Вып. 1. Иваново, 1998.
8. Лурье Я.С. После Льва Толстого // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 23.
9. Методология истории в перспективе историографической революции // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008.
10. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
11. Пространство и время в искусстве. Л., 1988.
12. Репина Л.П. Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М., 2004.
13. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 8 тт. Т. 3. Война и мир. М.: Изд. АСТ, 2006.
15. Тюленев И.В. Через три войны. Изд. 2-е испр. и дополн. М.: Воениздат, 1972.
16. Тюленев Иван Владимирович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rureferat.ru/persons/t/1243>
17. Шопенгауэр А. Собр. Соч.: В 5 тт. Т. 1. Мир как воля и представление / Сост., вступ. ст., прим. Т.К. Чаньшева. Пер. Ю.И. Айхенвальда под ред. Ю.Н. Попова. М.: Московский клуб, 1992.
18. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Ч. 1. М., 1915.

¹ См.: Бродель Ф. Свидетельство историка // Французский ежегодник, 1982. М. 1984.